

ОТРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФИИ КОНФУЦИАНСТВА В ПОЭЗИИ ДУ ФУ

ВАН ЦЗИНЬЛИН,
Я.М. КОЛКЕР

Различия между пониманием термина «философия» в русском языке и русской культуре и пониманием этого же термина в китайском языке и культуре обнаруживаются сразу, как только обращаешься к этимологии этих слов в каждом языке. Русский язык заимствовал древнегреческое слово, означающее «любовь к мудрости» (калька «любомудрие» так и не прижилась в русской культуре). В китайском языке эквивалент этого термина обозначается двумя иероглифами — 哲学 zhéxué, где 哲 значит «мудрый; прозорливый, пронизательный; глубокий», а 学xué означает «учиться, познавать»¹, т.е. 哲学 zhéxué — познание мудрости.

Акцент на познании подчеркивает, что для китайцев философия — не только наука, но и форма существования. Будучи непрерывным процессом, познание включает осмысление сути бытия, нравственных ценностей, форм социально-семейной структуры, политической и административной системы и т.п.² Именно поэтому конфуцианство свыше двух тысячелетий было официальной концепцией, определившей нормы жизни в Китае.

Человеколюбие, уважение, почтительность к родителям и старшим, принцип «Чего не желаешь себе, того не делай другим» — вот основы, составляющие понятие «Жень» (仁)³. Исходный смысл боковой графемы 亻 — тот же, что и смысл ключа 人(rén), — «человек», но в контексте конфуцианской концепции иероглиф 仁 означает «человеколюбие, гуманность; доброта, человечность; равно благожелательное отношение к людям» (ср. с одним из значений исходного ключа 人: «лучшие свойства человеческой натуры»⁴). Согласно учению Конфуция, «это концепт нравственного совершенства (moral excellence), которого может достичь каждый человек»⁵. Второй базисный концепт конфуцианства — «Ли» (例 lì — этикет, церемония, этические нормы⁶) — регламентирует все жизненные устои⁷ и играет роль своеобразного «обрамления» для «Жень», создавая ассоциативный ряд для множества жизненных ситуаций. «Ли» связывается с соблюдением ритуалов.

Многие древнекитайские поэты старались следовать конфуцианскому учению о «Жень» и «Ли». Но только Ду Фу (712 — 770) никогда не изменял идеям конфуцианства на протяжении всего своего творчества⁸. О дидактико-прагматическом подходе, свойственном поэзии Ду Фу, о нравственно-этических идеалах, которые он проповедовал в своих стихах как назиданиях власть имущим, о требованиях к

ним как к лицам, кому надлежит подавать пример нравственного совершенства, о традициях и ритуалах, являющихся механизмом управления государством, написано много трудов⁹. Поэтому в нашей статье мы приводим только одно стихотворение подобного плана. Остальные же цитируемые здесь стихотворения связаны не столько с социальными проблемами, сколько с естественной гармонией существования человека и природы.

Итак, приведем стихотворение Ду Фу «Даю волю негодованию» в «построчнике»¹⁰ и в литературной обработке:

Оригинал и «построчник»	Литературная обработка
Высвобождение видимого негодования <i>Qiān yù</i> 遣遇	Даю волю негодованию
Pán zhé cí zhǔ rén 磐折辞主人 Сгибаясь, прощаюсь с хозяином.	Низко кланяюсь, прощаясь с хозяином.
Kāi fān jià hóng tāo 开帆驾洪涛 Спускаем лодку на волны.	Лодку спускаем на быстрые волны.
Chūn shuǐ mǎn nán guó 春水满南国 Весенних вод полны южные регионы.	Как полноводны южные реки весной!
Zhū yá yún rì gāo 朱崖云日高 Красная скала поднимается за облака к солнцу.	Красная скала упирается в небо.
Zhōu zī fèi qīn shí 舟子废寝食 Без еды и сна	Не чувствует голода храбрый лодочник –
Piāo fēng zhēng suǒ cāo 飘风争所操 Лодочник борется с волнами и ветрами.	Борется с ветром и волнами.
Wǒ xíng fěi lì shē 我行匪利涉 Моя поездка полна осложнений –	Тяжело всем, кто в лодке, –
Xiè ěr cóng zhě láo 谢尔从者劳 Извиняюсь перед слугами.	Прошу прощения у своих спутников.
Shí jiān cǎi jué nǚ 石间采蕨女 Меж камнями женщина орляк ¹¹ собирает:	Между камней женщина орляк собирает:
Yǔ shì shū guān cáo 鬻市输官曹 Продавая орляк, не может оплатить налоги.	Денег нет на оплату долгов.
Zhàng fū sǐ bǎi yì 丈夫死百役 Муж умер от трудовой повинности;	От работы-заботы умер муж...
Mù fǎn kōng cūn háo 暮返空村号。 К вечеру, возвращаясь в безлюдную деревню, (женщина) вся в рыдании.	Возвращается домой – деревня будто вымерла.
Wén jiàn shì luè tóng 闻见事略同： Услышанное (прежде) и увиденное совпадает:	Что слышал, то и вижу:
Kē lù jí zhūi dāo 刻剥及锥刀。 До мелких острых ножей, которыми все выскребают.	Сгребают все до всякой мелочи.
Guì rén qǐ bù rén 贵人岂不仁？ Какие чиновники бесчеловечные!	Может ли чиновник быть бесчеловечным?

Shìrǔ rú yǒu hāo 视汝如莠蒿! Считают всех ничтожными!	Может ли считать всех ничтожными?
Suǒ qián duō mén hù 索钱多门户 Взимают разнообразные налоги,	Можно ли все облагать налогами?
Sàng luàn fēn áo áo 丧乱纷嗷嗷 Везде хаос и голод.	Везде голод, нищета и запустение.
Nài hé xiá lì tú 奈何黠吏徒 Что же чиновник алчный	До чего же чиновник алчный!
Yú duó chéng bū táo 渔夺成逋逃! Отнимает все, как рыбак рыбу, превращая граждан в беженцев!	Когда выгребают рыбу – невод пустеет.
Zì xǐsuìshēng lǐ 自喜遂生理 К счастью, я пока еще кормлюсь,	Мне есть чем встретить цветение:
Huā shí gān yùn páo 花时甘缁袍 В пору цветения одет в ветхий ватный халат.	Еда и ветхий ватный халат.

Это стихотворение обладает общественно значимой дидактико-прагматической функцией. Несмотря на кажущуюся прямолинейность и незатейливость повествования, в нем ощущается глубокий эмоциональный подтекст: поэт не просто обличает, а пытается усовестить вышестоящих. Дидактико-прагматический подход предполагает «наличие некоего подтекста, качественно отличающегося от внешнего повествовательного плана»¹². Как отмечает М.Е. Кравцова, «это идейная основа китайской комментаторской традиции, в которой за данность принимается не столько внешнее повествование, сколько предполагаемое внутреннее содержание произведения, нередко извлекаемое путем многоходовых толкований, построенных на ассоциациях и образных параллелях. Незатейливые по смыслу любовные песенки могут истолковываться, например, как рассуждения на этико-политические темы, а жанровые сценки – как намеки на эпохальные для страны события. Подобным операциям способствовали также свойства самой иероглифики – образная природа и смысловая полифония каждого знака»¹³.

Жажда странствий, которая видна во многих стихотворениях Ду Фу, – это не просто регистрация стремления поэта к перемене мест, но и прием, позволяющий обобщить ситуацию, типичную для всей страны. Передвигаясь с места на место, поэт наблюдает страдания несчастных обираемых людей. Сочувствие и извинение перед спутниками, независимо от их общественного положения (в данном случае это слуги, которые подвергаются тем же лишениям, что и их хозяин), лодочник, ведущий лодку в непогоду, – это все ассоциативно-метафорические параллели, представляющие людей разных классов, плывущих в одной лодке (метафора). За неимением места не будем характеризовать другие метафоры, но обратим внимание читателя на контраст между нравственной порядочностью персонажей, представленных в первой части стихотворения, и нравственным убожеством чиновников, не

следующих конфуцианским принципам. Но, как и всегда получается у Ду Фу, ирония последних строк спасает положение, избавляя читателя от гнетущего мрачного впечатления (Ср. с высказыванием Конфуция: «С ученым, который, стремясь к истине, в то же время стыдится плохого платья и дурной пищи, не стоит рассуждать»).

Интерпретация текста и подтекста дает основания для использования таких переводческих стратегий, как добавления, опущения, грамматическая модуляция и пр. Так, лодочник, не убоявшийся ненастья, характеризуется как «храбрый», волны — «быстрые». Высота скалы передается метафорой «упирается в небо» (изобразительные детали соответствуют вертикальной композиции китайской живописи). Фраза «Моя поездка полна осложнений» претерпевает семантическую модуляцию — в переводе подчеркнуто, что тяготы разделяют все. А замена слова «слуги» на «спутники», так же как и извинение лирического героя перед ними, подчеркивает равенство людей перед неблагоприятностью стихии, причем социальное положение спутников имплицитно ситуацией — ведь если бы они оказались в лодке как случайные попутчики, перед ними не надо было бы извиняться. Грамматическая модуляция применена при переводе восклицания «Какие чиновники бесчеловечные!» риторическим вопросом: «Может ли чиновник быть бесчеловечным?» И это сделано не случайно. Если в русской традиции народ ожидал от чиновников всех рангов бездушия и вымогательства, то философия конфуцианства предполагает, что вышестоящие являются собой нравственный пример для нижестоящих.

Что же касается ритма стихотворения, который во многом зависит от количества иероглифов в строке оригинала и от расположения тонов, то в переводе он передается, по совету В.М. Алексева, количеством слов в строке, ибо при переводе с китайского языка «удвоение и утроение числа слогов в строке давно уже признано неизбежным и законным»¹⁴.

Стилистический эффект взаимодействия тонов, отсутствующих в русских словах, может компенсироваться звуковым повтором. Так, в начальных строках перевода происходит накопление звуков [л] и [с].

Ассоциативный параллелизм, столь свойственный поэзии Ду Фу, особенно ярко виден в стихотворении «Подъем на возвышенность».

Оригинал и «построчник»	Литературный перевод
<i>dēng gāo</i> 登高 Поднимаясь на возвышенность	Поднимаясь на холм
fēng jí tiān gāo yuán xiào āi 风急天高猿啸哀 Под высоким небом, под сильным ветром обезьяны режут, печалься.	Высокое небо, сильный ветер, обезьяны режут, тоскуя.
Zhǔ qīng shā bái niǎo fēi huí 渚清沙白鸟飞回。 Над чистой сушей и белым песком птицы вихрятся, возвращаясь.	Над белой долиной вихрится песок, птицы кружат.

Wú biān luò mù xiǎo xiǎo xià 无边落木萧萧下 С необъятных деревьев листья слетают, шелестя.	С могучих деревьев шелестящим потоком листья летят.
Bú jìn cháng jiāng gǔn gǔn lái 不尽长江滚滚来。 В безграничной Янцзы вода течет, мчась.	Вечная Янцзы мчит свои шумные воды вдаль.
Wàn lǐ bēi qiū cháng zuò kè 万里悲秋常作客 За десять тысяч ли ¹⁵ печалось осенью постоянно, чувствуя себя на чужбине.	Тоскую осенью на чужбине вдали от родины.
Bǎi nián duō bìng dú dēng tái 百年多病独登台。 Старый (букв.: столетний), ослабевший от болезней, одинокий, поднимаюсь на возвышенность.	Старый, одинокий, больной, бреду на холм, слабея.
Jiān nán kǔ hèn fán shuāng bìn 艰难苦恨繁霜鬓 Переживаю невзгоды судьбы, на висках как иней седина.	Тяжела судьба, иней на висках – кажется, старею.
Liáo dǎo xīn tíng zhuó jū bēi 潦倒新停浊酒杯。 Не развязать горе и невезение, поэтому больше не выпиваю.	Смысла в водке нет – горечь не развязать.

Здесь параллельные образы объясняют эмоциональное состояние лирического героя и создают у читателя нравственно-этическое впечатление сопричастности. В стихотворении звучит то, что понятно большинству китайцев: щемящее чувство одиночества, которое испытывает человек, вынужденный скитаться вдали от родины и близких. Обычай подниматься на возвышенность, чтобы как-то хоть взглядом приблизиться к родине и родным, сохранился в Китае до сих пор.

В стихотворении образная система сосредоточена на двух пластах пространственной перспективы: наверху – безграничное небо, внизу – такая же безграничная Янцзы. Находясь между небом и землей, человек чувствует себя особенно неуверенно. Звуковой ряд также распадается на две параллели: обезьяны ревут – шумит неуемная Янцзы.

Несколько иной ассоциативный параллелизм рождается у читателя, который привыкает к поэзии Ду Фу, потому что этот прием существует практически в любом его стихотворении. Его можно условно назвать «пересечением параллельных плоскостей». Душевный непокой подчеркивается ревом обезьян. Птицы кружатся в вихре, и можно вообразить, как они кричат, и шумит Янцзы, и нескончаемым потоком слетают листья с необъятных деревьев. Параллельность образов выражена в строках: обезьяны ревут – шумит Янцзы, птицы вихряются – и возвращаются, но не возвратиться одинокому путнику на родину! Слабость, болезнь, невзгоды судьбы, на висках седина... И, как всегда, у Ду Фу, в конце – неожиданный вывод: нет смысла пить водку, она не разгонит тоску.

Осень в китайской культуре, как и в европейской, метафорически означает старость. Однако образ опадающих листьев параллельно несет и другой смысл: «облетающие листья вернуться к корню дерева», в то время как лирическому герою не удастся вернуться к своим истокам. Непрерывно текущие воды вечной Янцзы говорят о краткости

человеческой жизни. Эта же мысль имплицитно содержится в строке 6, где поэт называет себя столетним (百年), хотя на самом деле лет ему было гораздо меньше — о чем свидетельствует «иней на висках» — первый признак старения. Однако гиперболизация возраста только усиливает впечатление, что и сто лет — не более секунды по сравнению с вечным небом и могучей рекой.

Двойной смысл скрыт и в других словах и словосочетаниях. Например, zuò kè (作客) — буквально означает «в гостях», но имеет зафиксированное в словарях значение: «не у себя, на чужбине». В тексте говорится о «частом пребывании в гостях», что, очевидно, означает длительность скитаний.

Сохранить синтаксический параллелизм — задача достаточно трудная для переводчика. При ограниченности внешних образов необходимо передать эмоционально-имплицитивную составляющую. В переводе полифония иероглифического знака передается кумуляцией смыслов словосочетаний. Но нарочитая простота перевода не означает симплификацию смысла. Он воссоздается теми же средствами, что и в оригинале и с той же целью — передать типичность жизненной ситуации, за которой кроется так много обобщений. К сожалению, по-русски нельзя одним глаголом (回huí) передать два различных значения: «птицы *вихря*тся» и «птицы *возвраща*ются» как подобие одного и того же движения — в небе, на воде и на суше. Поэтому в нашем переводе «вихрятся» песок, что оправдано деталью «сильный ветер». Звуковой повтор помогает создать нужное эмоциональное впечатление: строки 2 — 4 оканчиваются на слог со звуком «а» (*кружат, летят, вдаль*), что помогает выстроить открытое пространство. Последние же строчки, почти рифмуясь (*слабея, седею, развеять*), объединяют детали, свидетельствующие о немощи поэта и о горечи, которую он испытывает.

Таким же чувством одиночества и внутреннего неудовлетворения полны два стихотворения под единым названием «Цюйцзян». Читателя сразу же поражает теплое весеннее дыхание природы на берегу реки Цюйцзян. Но поэту не до радости. Грусть вызывает одинокий падающий лепесток, говорящий о том, что весна недолговечна. И вот уже тысячи лепестков срывает безжалостный ветер печали. Поэт невольно соотносит недолгую весну с недолгим процветанием императорской династии, которой он служит. И в этом стихотворении, как и в предыдущем, все объясняют фоновые знания. Бытовая лирическая сцена наполняется социальным звучанием. Близкий ко двору поэт видит увядание династии Тан, которая после войны Ань-Ши приходит в упадок. Карьера самого поэта под угрозой: на него клеветают, в итоге император перестает его слушать. Не исключено, что поэт слишком буквально следовал заветам Конфуция и действовал согласно его совету о том, как следует служить правителю: «*Не обманывай его, но не*

бойся обидеть его»¹⁶. Возможно, сам правитель не проникся мудростью древнего философа и поэтому стал оказывать поэту холодный прием.

Река Цюйцзян, на берегу которой находится поэт, теперь не приносит ему радости, так же как и построенный рядом монастырь, и абрикосовый сад, и сад лотоса. Это настроение горечи и грядущего увядания мастерски передает Ду Фу в своем стихотворении. Стихотворение состоит из двух частей. Ниже представлена первая часть. Приведем оригинал с построчником и переводом.

Оригинал и «построчник»	Литературный перевод
<p>Qū jīāng 《曲江》(一) Цюйцзян (1)</p> <p>Yí piàn fēi huā jiǎn què chūn 一片花飞减却春 Лепесток падает, весна уходит.</p> <p>Fēng piāo wàn diǎn zhèng chóu rén 风飘万点正愁人。 Тысячи цветов сорваны ветром печали.</p> <p>Qiě kàn yù jìn huā jīng yǎn 且看欲尽花经眼 Когда падающие лепестки без остатка слетают перед глазами.</p> <p>Mò yán shāng duō jiǔ rù chún 莫厌伤多酒入唇。 Не надоедает лить больше водки в рот.</p> <p>Jiāng shàng xiǎo táng cháo fěi cuì 江上小堂巢翡翠 Жадеитовые птицы строят гнезда на корпусе над рекой.</p> <p>Huā biān gāo zhǒng wò qí lín 花边高冢卧麒麟。 Величественные каменные единороги лежат на берегу лotosового сада.</p> <p>Xì tuī wù lǐ xǔ xíng lè 细推物理须行乐 Если выясним суть процветания и падения, то следует вовремя веселиться.</p> <p>Hé yòng fú míng bàn cǐ shēng 何用浮名绊此身。 Зачем ограничиваться ложной славой?</p>	<p>Цюйцзян (1)</p> <p>Одинокий лепесток падает на землю. Весна уходит.</p> <p>Тысячи цветов срывает безжалостный ветер печали.</p> <p>Когда падающие лепестки скользят вниз перед глазами,</p> <p>Время чарка за чаркой радовать водкой рот.</p> <p>На доме у реки нефритовые птицы гнездятся.</p> <p>Величественные каменные единороги стерегут бескрайнее море лотоса.</p> <p>Узнаешь суть процветания и падения – время радоваться.</p> <p>Зачем ограничивать жизнь погоней за ложной славой?</p>

Стихотворение прямо не говорит о результатах потрясения, приведших императорский дом к упадку. Первые несколько строк описательны. Третья и четвертая строки – реакция поэта на уход весны. Пятая и шестая строки говорят об архитектуре императорского дворца и о бывшем величии императорского дома. Последние две строки – философский вывод: напоминание о том, что жизнь коротка, а слава мимолетна.

Эти восемь строк представляют собой законченное стихотворение, но одновременно ведут ко второй части, связанной с первой не только образами весны и реки, но и, прежде всего, философским отношением поэта к жизни.

Оригинал и «построчник»	Литературный перевод
<p>Qū jiāng 《曲江》(一) Цюйцзян (2)</p> <p>Cháo huí rì rì diǎn chūn yī 朝回日日典春衣 После дневной аудиенции отдаю в заклад весеннюю одежду.</p> <p>Měi rì jiāng tóu jìn zuì guī 每日江头尽醉归。 На берегу реки водку пью, до опьянения возвращаюсь домой.</p> <p>Jiǔ zhài xún cháng xíng chù yǒu 酒债寻常行处有 Из-за водки везде долги, они стали обыч- ным делом.</p> <p>Rén shēng qī shí gǔ lái xī 人生七十古来稀。 Редкость, когда человек доживает до семидесяти.</p> <p>Chuān huā jiá dié shēn shēn jiàn 穿花蛱蝶深深见 Бабочки летают в глубине сада цветов.</p> <p>Diǎn shuǐ qīng tíng kuǎn kuǎn fēi 点水蜻蜓款款飞。 Стрекозы скользят поверх воды.</p> <p>Chuán yǔ fēng guāng gòng liú zhuǎn 传语风光共流转 Передают весне: давайте вместе останемся!</p> <p>Zàn shí xiāng shǎng mò xiāng wéi 暂时相赏莫相违。 Хоть на время порадуемся друг другу, не упустим время.</p>	<p>Цюйцзян (2)</p> <p>После приема весеннюю одежду сдаю в заклад.</p> <p>У реки водку принимаю. Нетрезвым тащусь домой.</p> <p>Долги из-за водки – для всех обыч- ное дело.</p> <p>Жизнь коротка. Редкий человек живет до семидесяти.</p> <p>В саду над цветами беспечно сну- ют мотыльки.</p> <p>Стрекозы легко скользят над гладкой поверхностью вод.</p> <p>Они шепчут весне: «Помедли, останься с нами!</p> <p>Живем лишь мгновение – пусть радостной будет жизнь!»</p>

Структура второй части противоположна структуре первой части. Здесь нет описания, последовательность действий с большей натуральностью передает происходящее. Строка 4 воспринимается как вывод и как оправдание пьянства. Дальнейшее описание (строки 5 – 7) усиливается прямой речью и призывом к весне помедлить. Затем повторяется вывод, данный в строке 4, который заканчивается пожеланием, чтобы короткая жизнь была радостной.

Структура всего стихотворения (первой и второй части) симметрична, и каждая часть тоже симметрична, потому что цветение и увядание сбалансированы, так же как уравновешены печаль и беспечность под влиянием водки. Поэт говорит о том, что лучше не задумываться и легко скользить по поверхности, как стрекозы над водной гладью.

Во второй части «Цюйцзянь» неожиданно для читателя метафор нет – образность здесь выстраивается за счет олицетворения. Но, будь то один троп или другой, благодаря совмещению двух картин (буквальной и фигуральной), все стихотворение – развернутое иносказание. Люди сами не понимают, какое это счастье – жизнь, и не зачем ее усложнять и укорачивать. Все стихотворение в целом можно назвать «метафорой жизнелюбия». И если увядание, с одной стороны, наводит грусть, то с другой стороны, оно оттеняет прекрасное. Ту же роль играют символы. Нелепо выглядят мощные каменные единороги (символы власти), на фоне залитой солнцем реки, беспечных стрекоз и бабочек. И как-то очень к месту, развешивая грусть, мог бы прозвучать афоризм из «Аналектов» Конфуция: «*Когда тебе плохо – прислушайся к природе. Тишина мира успокаивает лучше, чем миллионы ненужных слов*».

В завершение статьи хочется отметить, что для нее намеренно отобраны произведения Ду Фу, не касающиеся бедствий, катаклизмов и других событий, имеющих исключительное значение. Анализируемые стихи Ду Фу трактуют повседневные ситуации, раскрывая внутреннюю жизнь человека, и показывают, что, несмотря на свою повседневность, эти события оказывают не меньшее влияние на жизнь и становление человеческой личности, чем социальные вехи, символизирующие смену эпох. Для того, чтобы показать, как было заявлено в начале, что Ду Фу был тем поэтом, который неизменно следовал учению Конфуция, процитируем афоризм из «Аналектов» Конфуция, сопряженный с приведенными стихами. Это не «перевод» основной мысли стихов, а суммирование их, а скорее вывод, вступающий в разнообразные отношения с текстом – от прямого подтверждения до ассоциативной параллели: «*Я поставил своей целью правду, сделал своим помощником добродетель, нашел себе опору в человечности и обрел свое отдохновение в искусствах*».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большой китайско-русский словарь (далее – БКРС). – URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%AD%A6>

² Чжан Цинчже. Сравнение конфуцианско-этических идеологий в периоды Чуньцзю и Дженьго (770 г. – 221 г. до н.э.) и династии западной Хань (202 г. н.э. – 9 г. н.э.) // Вестник университета Пиндиншань. 2012. № 4. С. 5 – 6 (张清喆. 春秋战国时期和西汉时期儒家伦理思想的比较研究[J]//平顶山学院学报, 2012(4)). На кит. яз.

³ Ван Цифа. Об идеологической системе учения «ЛИ». – Дженчжоу: Издательство древних книг «Чжончжоу», 2005. С. 33. (王启发, 礼学思想体系探源[M]. 郑州: 中州古籍出版社, 2005). На кит. яз.

⁴ БКРС. – URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=%E4%BA%BA>

⁵ Chinese Ethics // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – URL: <http://plato.stanford.edu/entries/ethics-chinese/>

⁶ БКРС. – URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=li>

⁷ Лю Шучжен. Об идеологии ЛИ в конфуцианстве периодов Сяньцин (2000 – 221гг. до н.э.) // Guanxi xuekan. 2012. № 3 (刘书正, 先秦儒家礼学思想解读[J]//管子学刊, 2012 (3)). На кит. яз.

⁸ Ван Сюэтай. О большом конфуцианце Ду Фу // Окно в науку. 2001. № 4. С. 27 – 30 (王学泰, 《大儒杜甫》, 学术之窗, 2001年第4期, 27 – 30页.). На кит. яз.

⁹ См., например: Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. Книга 1. – URL: <http://www.twirpx.com/file/640177/>; Серебряков Е.А. Китайская поэзия X – XI веков: жанры Ши и Ци. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 247 с.

¹⁰ Построчник, в отличие от подстрочника как абсолютно дословного перевода, учитывает, при сохранении смысла каждой строки, грамматическую и лексическую норму переводящего языка.

¹¹ Орляк – разновидность папоротника, употребляемая в пищу и в лекарственных целях.

¹² *Кравцова М.Е.* Вэнь и начало формирования китайской поэзии // *Духовная культура Китая: энциклопедия.* В 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др. – М.: Восточная литература, 2008. С. 31.

¹³ Там же. См. также: *Тан Юэцин.* Об эвфемистической красоте древнекитайской поэзии // *Труды по современному образованию (в области обучения).* 2011. № 6. – URL: <http://wenku.baidu.com/view/2b0bef15fc4ffe473368ab6f.html> (谭月清, 谈中国古代诗歌语言的含蓄美 // 当代教育论坛 (教学研究) 2011 (6) . На кит. яз.

¹⁴ *Меньшиков Л.Н.* Предисловие к двухтомнику переводов из китайской поэзии. – URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/menshikov.shtml

¹⁵ Ли = мера длины (0,5 км).

¹⁶ *Конфуций.* Аналекты: 14.22.

REFERENCES

Alekseev V.M. Trudy po Kitaiskoi Literature [Studies in Chinese Literature]. Book 1. Available at: <http://www.twirpx.com/file/640177/>

Chinese Ethics. *Stanford Encyclopedia of Philosophy.* Available at: <http://plato.stanford.edu/entries/ethics-chinese/>

Kravtsova M.E. Wen and the Beginnings of Chinese Poetry. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entziklopediya v 5 t.* M.L. Titarenko (red.) [The Spiritual Culture of China: Encyclopaedia in 5 volumes. Vol. 3. Literature. Language and Writing M.L. Titarenko et al. (Ed.)]. Moscow, Oriental Literature, 2008, pp. 28 – 35. (In Russ.).

Liu Shuzheng. On the Confucian Ideology of Li in the Xianqin Periods (2000 – 221 B.C.). *Guanzi xuekan* [Guanzi Review]. 2012. Vol. 3 (In Chinese).

Menshikov L.N. Preface to Translations from Chinese in two volumes. Available at: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/menshikov.shtml (In Russ.).

Serebryakov Ye. *Kitaiskaya poeziya 10 – 11 vekov: zhanry Shi i Tzy* [Chinese Poetry of 10th – 11th Centuries: the Shi and Zi Genres]. Leningrad, Leningrad State University, 1979. 247 p. (In Russ.).

Tan Yueqing. On the Euphemistic Beauty of Ancient Chinese Poetry. *Dangdai jiaoyu luncong (jiaoxue yanjiu)* [Studies in Contemporary Education (Teaching Methodology)]. 2011. № 6. Available at: <http://wenku.baidu.com/view/2b0bef15fc4ffe473368ab6f.html> (In Chinese).

Wang Xuetai. Dufu, the Great Confucianist. *Xueshu zhichuang* [Window into Science]. 2001. Vol. 4, pp. 27 – 30 (In Chinese).

Wang Qifa. *Li xue sixiang tixi tanjiu* [The Ideological System of the “Li” Doctrine]. Zhengzhou, Zhongzhou Ancient Literature Publishing House, 2005. 380 p. (In Chinese).

Zhang Qingzhe. Comparison of Confucian Ethics Ideology in the Chunqiu-Zhanguo Period (770 – 221 B.C.) and the Period of the Western Han Dynasty (202 B.C. – 9 A.D.). *Pingding shan xuebao* [Pingdingshan University Review]. 2012. Vol. 4, pp. 5 – 6 (In Chinese).

Аннотация

В статье представлены четыре стихотворения Ду Фу, анализ которых показывает, насколько скрупулезно и точно этот великий поэт следовал учению Конфуция. Для Ду Фу гармония существования природы и человека отражена в повседневной жизни каждого китайца. Поэтому для китайцев учение Конфуция – не просто философское направление, но способ бытия. Ду Фу прекрасно показал это в художественных образах и ассоциативных параллелях, свойственных мышлению человека.

Ключевые слова: Конфуций, Ду Фу, гармония, философская поэзия, построчник, литературная обработка.

Summary

The article exemplifies an analysis of four poems by Du Fu that shows how meticulously and precisely the great Chinese poet followed the teaching of Confucius. For Du Fu harmony of Nature and humankind is an axiom of everyday life, which is reflected in the mentality of Chinese people. This explains why the teaching of Confucius is treated not as a philosophical trend, but as a *modus vivendi*. This is the message that Du Fu conveyed in images and association parallels which peculiar to the human mind.

Keywords: Confucius, Du Fu, harmony, philosophic poetry, line-by-line translation, adaptation to literary standard.